

Прошлой ночью двое друзей моего Хозяина пришли в дом с визитом. Они братья. Один мне нравится больше, чем двое. Может быть, это было заметно, потому что, когда они ушли, мой Хозяин был недоволен мной. Он сказал, что я не угодила ему, потому что я не угодила двум его друзьям. Когда мой Хозяин и его новая жена ненадолго приезжают в город, я живу с ними. Я их рабыня. Я хожу в колледж; я прихожу домой, надеваю ошейник и снимаю одежду, как приказывает мой Хозяин. Когда я с ними дома, я не ношу ничего, кроме ошейника, наручников и фиксаторов на лодыжках, иногда чулок, потому что мне нравится ощущение, и обычно поясной цепочки. Иногда, когда я прихожу домой, мой Мастер надевает на меня зажимы, и я ношу их некоторое время. Мой Хозяин также мой сводный дядя, Джейсон. Его новая жена Мария - моя Любовница. Двум братьям, которые приходили вчера вечером, за 40, и они хорошие бизнесмены, Маркус и Тейлор, но Маркус любит больше жестокости. Он единственный, кто мне не нравится так сильно. Дом, которым владеет мой дядя в Атланте, имеет довоенный вид, напоминающий кинообразы старого Юга, с двумя этажами и колоннами, которые тянутся по обе стороны от главного входа. Внутри находится двойная лестница, две стороны которой плавно переходят в центральный балкон с видом на фойе. В центре выложенного черно-белой плиткой входа, под балконом фойе, находится мраморная копия греческой статуи. Очень милая. Мой дядя иногда путешествует, но не так много, как мой отец. Иногда мой дядя и Мария оставались в Атланте на месяц или чуть дольше. Когда мой дядя вернулся домой сегодня днем, он объяснил, что я не полностью повиновалась ему, как подобает хорошей рабыне. Я не приветствовала Маркуса так же, как Тейлора. Я знала, что не стоит говорить, что у Маркуса сильные пальцы, которые сильно сжимаются. Это не имеет значения. Есть установка, сделанная моим дядей, которая хорошо использует балкон в прихожей. Это подвесной блок. Они с Марией все устроили. Две цепи спускаются по обе стороны маленького балкона почти на этаж ниже. Я была обнажена, если не считать ошейника, ремней и чулок с белыми кружевами, манжеты плотно прилегали к бедрам, и белых кожаных полусапожек на высоких острых каблуках стилетто. Мне нравится ощущение ботинок. Когда установка была готова, мой дядя Джейсон кивнул мне. Я легла на пол на спину, головой к входной двери дома, ногами к статуе под балконом. Буровая установка имеет два крепких удерживающих устройства на конце каждой цепи. Кожа и подкладка прочные и более длинные, надежно облегают мои лодыжки и икры. Джейсон приладил сначала одну ногу, затем другую, затем подозвал Марию, которая включила медленную рукоятку. Я поднималась в воздух, пока не оказалась вниз головой, с опущенными руками, широко расставленными ногами, удерживаемой на месте по обе стороны балкона. Он крикнул Марии, чтобы она подняла меня чуть повыше, и остался доволен. Подойдя ко мне сзади, он продел цепь через крюк, который обычно скрыт у основания статуи, затем прикрепил каждый конец к моим наручникам, потянув меня назад к статуе. Это заставило мою спину выгнуться дугой, а бедра податься вперед. Легкий доступ. Тогда моя киска была примерно на уровне его головы. Джейсон начал с флоггера, шлепая по внутренней стороне моих бедер, ходил вокруг, ударяя им по моему задку, спине, затем вернулся к моему передку, где он шлепал прядями флоггера по моей груди. Он остановился и добавил зажимы из крокодиловой кожи к моим соскам, затем утяжелители, чтобы зажимы безжалостно погружались в мои соски и раскачивались, когда он шлепал меня. Затем он переключился на киску и начал шлепать по моей киске, моему клитору и губам, внутренней стороне моих бедер, возвращаясь к моему клитору и киске. Я застонала. Он снова двинулся к моему задку, шлепая по нему, пока я не поняла, что он оставляет красные следы, снова к моему передку, ударяя хлыстом по моим соскам. Цепи, удерживающие грузики для сосков, звякнули и зазвенели. Я захныкала. Джейсон шлепал мою киску снова и снова, и снова, хлыстом, пока не стало больно, и я поняла, что там тоже были красные отметины. Он позвал Марию, которая подняла меня еще на одну ступеньку на вышке. Это немного сильнее стянуло мои руки. Джейсон расстегнул молнию и встал передо мной на колени. "Соси мой член", - приказал он. "Усложним это. Заставь меня кончить." Я так и сделала, проводя языком по краю, пока чувствовала, как прохладный воздух обдувает мою воспаленную киску. Я

чувствовала, как он становится все тверже и тверже у меня во рту, толкаясь в меня. Кровь прилила к моей голове, вызывая легкое головокружение, но я все равно двигала языком и ртом вокруг его члена, наслаждаясь им во рту, зная, что доставляю ему удовольствие. Наконец он кончил мне в рот, а затем вытер свой член о мою грудь. Он поднял свой хлыст и еще несколько раз ударил меня по клитору, пока я не закричала, но на этот раз я испытала оргазм. Он и Мария подвели меня. Я умылась и надела новые колготки, на этот раз из прозрачного черного кружева, и, как приказал Джейсон, сделала макияж глаз "очень развратным". На мне были черные замшевые сапоги до колен на коротких острых каблуках. Мне нравится чувствовать себя в этих ботинках. Фиксаторы на запястьях и лодыжках, ошейник. Золотая цепочка на поясе. Несколько вещей в чемодане. В наказание я останусь с двумя братьями на неделю. В машине я была завернута только в одеяло. Когда мы прибыли в дом братьев, Джейсон и Мария проводили меня в их дом, а Тейлор поприветствовала меня. "Заставь меня гордиться тобой", - прошептал Джейсон мне на ухо. Он поцеловал меня, затем стянул с меня одеяло и оставил меня стоять, голую и нервную, у входа в это новое место. Тейлор обошел меня, осматривая. Я стояла неподвижно, ожидая. Он был высоким, темноволосым, довольно стройным, хотя это было трудно определить; он все еще был одет в костюм. Он кивнул и подозвал своего дворецкого. Дворецкий и бровью не повел. Мы поднялись наверх, в мою комнату. Маркус уже был там, расхаживая взад и вперед. Он улыбнулся, когда увидел меня. Тейлор и дворецкий закрыли за собой дверь и ушли. Маркус велел мне лечь на кровать. Я сделала. Он осмотрел красные отметины. "Я могу улучшить это", - сказал он с улыбкой. Я вздрогнула. Оказалось, что одним из любимых занятий Маркуса было привязывать меня к кровати, подтягивая мой зад до конца, мои запястья были прикованы цепями к каждому столбику кровати в изголовье кровати. Мои ноги были прикованы цепями к высоким столбикам кровати в изножье кровати, вытянутые в виде большой буквы V, каждая лодыжка поднята вверх и наружу и привязана к месту веревками. Похоже, он не хотел, чтобы цепи врезались в деревянные столбы кровати в изножье. Маркусу нравился маленький хлыст. Он был хорош в этом. Он мог щелкнуть им и загнуть кончик, но он знал, как оставлять рубцы, не проливая крови. Он был очень хорош. В ту первую ночь он хлестал меня по внутренней стороне бедер, в какой-то момент подложил мне под бедра подушку и щелкал концом по моему клитору, пока я не застонала и не захныкала. Он мог скручивать конец этого хлыста до тех пор, пока он каким-то образом едва не мелькал внутри моей киски или, казалось, не обвивался вокруг моего клитора. Только когда я умоляла его остановиться, он сделал это, улыбающийся и довольный. Он немного вспотел, тяжело дышал, но я не была уверена, было ли это от напряжения или от волнения. Может быть, и то, и другое. Однако, когда он закончил с хлыстом, он рывком спустил штаны и вонзил в меня свой член, сильно и быстро, и я завизжала от боли. Ему это нравилось. Ему это очень понравилось. Еще один трюк, который ему очень понравился, был тот, который он использовал на следующее утро, после того как Тейлор ушел на работу. Маркус взял несколько выходных. Дворецкий, который никогда не произносил ни слова или, казалось, считал это вообще странным, помог Маркусу привязать меня к большому деревянному столу в задней комнате дома. Я предполагаю, что он был создан именно по этой причине. На столе лежала пара старых стеганых одеял, уже разглаженных. Стол был длиннее и шире, чем обычно, так что я полностью растянулась, распластавшись на столе. Маркусу нравятся зажимы. У него был набор зажимов, прикрепленных маленькими цепочками. Он закуривал сигарету и курил с азартом и энергией, пока работал. Он обматывал цепочку вокруг внешней стороны моего бедра, прикреплял зажим из крокодиловой кожи к верхней части губы, затем протягивал руку под нее, туго натягивал цепочку и прикреплял зажим из крокодиловой кожи на другом конце к нижней части губы, оттягивая губу далеко в сторону. Он проделал то же самое с другой стороны с другим набором. Казалось, он никогда не видел меня, но он много напевал, пока работал. Он вытащил набор крошечных зажимов с прикрепленными к ним проводами. Эти маленькие зажимы были крепко прикушены к ним. Они были созданы для того, чтобы не передвигаться. Они этого не сделали. Они прочно стояли на месте. Четыре были нанесены на

губы, по два с каждой стороны; четыре были нанесены по краям возле клитора, по два с каждой стороны. У клитора был один у основания, другой на конце, что было неудобно. Маленькие зажимы по бокам, на внутренней стороне предплечий, по два на каждом соске, образующие крест, так что сосок был зажат сначала в одну сторону, затем в другую. Маркус постоял и на мгновение задумался, напевая, а затем с радостью приложил еще два крошечных зажима к внутренней стороне моих губ, которые причиняли боль. Он взял свою коробку, к которой были прикреплены все эти провода, и, продолжая жужжать, щелкал выключателями, по одному за раз, иногда включал два или три, иногда больше, иногда один. Я дергалась, скулила, стонала и брыкалась. Электрические разряды ударяли в клитор, заставляя его дергаться, и в то же время толчок ударял по моим ребрам или внутренней части моей киски. Я приходила дважды, и Маркус был очень взволнован этим. В какой-то момент он включил все переключатели для моего клитора и киски и вытащил свой член. Ему удалось обойти провода, и пока мою киску и клитор сотрясали электрические разряды, он трахал меня и был очень возбужден. Его глаза были закрыты, и он действительно наслаждался мной. "Я чувствую, как ты дергаешься каждый раз, когда ударяет электричество", - ухмыльнулся он. Ему также нравилось использовать металлические зажимы и прикасаться к ним электрической палочкой. В последний день, когда я была там, Маркус снова привязал меня к деревянному столу, уложив поверх старых одеял. Я слабо слышала, как мимо проезжают люди на машинах. Садовник был снаружи, подстригал траву. Из кухни доносится слабый звон. В то утро он снова воспользовался хлыстом. У меня были синяки и красные рубцы от нескольких дней этого, но, по крайней мере, это был последний день, сказала я себе. Маркус использовал вакуумное давление на мои соски, отчего они набухли и покраснели, набухли и стали нежными. Он завязал их, переместился к моему клитору. Когда это было пресыщено, опухло и тоже завязано, он перешел к своему старому любимому способу - цепям и зажимам, чтобы раздвинуть мои губы, затягиваясь сигаретой и напевая. Он погладил пальцами внутреннюю сторону моей ноги. Я дернулась; это было очень нежно. Он ухмыльнулся, прикуривая еще одну сигарету от уже почти докуренной. Он кивнул. Он хлестал мою киску и соски, клитор, внутреннюю часть моих ног. Мне уже было очень больно. Плоть была сырой, но я знала, что останутся только красные отметины, рубцы, может быть, несколько синяков, но ничего постоянного. Маркус, однако, взволнованный, превратил себя в пену. Он рывком спустил штаны и отбросил их в сторону. В какой-то момент я почувствовала, как его член коснулся моей ноги. Маркус продолжал добавлять зажимы, большие, маленькие, с острыми краями и крошечными зубцами, у некоторых с внутренней стороны были зазубрины, в стиле пинцета, из крокодиловой кожи - казалось, он прикладывал к моему телу все, что у него было. Он закончил, удовлетворенный. Невероятно, но я была мокрой. Я чувствовала прохладный воздух на внутренней стороне моих бедер и моей киски, соприкасаясь с влажностью. Маркус тоже это видел. Он ухмыльнулся мне. Он выкручивал некоторые зажимы, пока я не закричала. "Умоляй меня остановиться". Я сделала. Он покачал головой. "Нет. Ты должна действительно ИМЕТЬ это В виду". Я была очень мокрой. Я впадала в состояние эйфории от боли и того, что была связана. Он понял это. Он взял сигарету и осторожно прикоснулся ее концом к внутренней стороне одной из моих губ. Я закричал. Звон на кухне прекратился, затем возобновился. Казалось, никто не собирался туда входить. Маркус усмехнулся. "Умоляй меня, и действительно серьезно", - повторил он. Я умоляла, но он рассмеялся. Он снова прикоснулся сигаретой к внутренней стороне моей киски. Я закричала и дернула бедрами. Он рассмеялся. Он двинулся вверх, одной рукой скручивая зажимы на моем клиторе и с каждой его стороны, плотно сжимая плоть и металл вместе. Я боролась с наручниками, отчаянно дергая их, а он все смеялся и смеялся. Он прикоснулся сигаретой к одному из моих сосков, и слезы потекли по моим щекам, и я умоляла его прекратить это, но он снова рассмеялся. Он коснулся другого соска, затем вернулся к моей киске, затягиваясь сигаретой и выпуская дым мне в лицо. Маркус рассмеялся. "Ты меня так возбуждаешь". "Нам нужно что-то еще", - задумчиво сказал Маркус. Он огляделся, как будто не думал об этом. Он сунул руку под стол и вытащил огромный дилдо,

показывая его мне. Я посмотрела на него, потом на него, дрожа. "Нет, не надо, пожалуйста!" Он ухмыльнулся. Он потерялся концом дилдо о мой клитор. Другой рукой он дернул за несколько зажимов и цепей. Боль сделала меня более осознанным. "Трахни его для меня", - сказал он. "К черту это, и я отпущу тебя". Я кивнула, слишком напуганная, чтобы что-то сказать. Он протолкнул его в мою киску. Я почувствовала боль. Ствол был шире, чем я когда-либо видела. Мне было все равно. Я чувствовала, как он входит и выходит из меня. - К черту это, - приказал Маркус. "Или я не буду счастлив". Я кивнула и попробовала. Он сильнее засунул в мою киску, и я задвигала бедрами, пытаюсь. Теперь все зажимы действительно болели. Маркус заметил это. "Испытываешь боль?" Я кивнула. «Хорошо. Боль - это очень хорошо». Он наклонился и взял мой клитор и немного плоти в рот, немного пососал, затем слегка прикусил. Тогда я застонал и начал дилдо пистолет всерьез. Он был доволен. "хорошо." Я к своему удивлению, кончил. Я вздрогнула и застонал. Как только я это сделал, Маркус вытащил из меня дилдо и с силой засунул в меня свой член. Я кончила снова. "Я чувствую тебя, шлюха. Ты продолжаешь трахать меня и делаешь меня счастливым." Мне было больно и сыро, но я продолжала двигаться, двигая бедрами вверх и встречая его, пока не почувствовала, как он замер, содрогнулся и извергся в меня, теплый и липкий. Он навалился на меня, тяжело дыша, затем вышел. "Оближи меня дочиста", - приказал он. Он засунул свой член мне в рот, а я чистила и сосала, облизывала его, обводя языком ободок, проводя языком по кончику его члена. "Укуси меня совсем чуть-чуть". Я сделала. Он застонал. Через некоторое время он стал достаточно твердым и снова трахнул меня, прежде чем снять зажимы. Приток крови обратно к воспаленной плоти причинял боль. Прежде чем Маркус развязал меня, Тейлор вернулась домой. Он позволил Тейлору трахнуть меня. Он спросил дворецкого, не хочет ли он войти туда, но дворецкий, должно быть, сказал "нет". Маркус протянул цепочку между моих ног и прикрепил ее к другой цепи вокруг моей талии, очень туго натянув ту, что была у меня между ног. Он глубоко врезался в меня, потирая мой клитор и киску. Она быстро промокла. Маркус показал мне набор зажимов для сосков, которые он изобрел: почти овальные, с двух сторон с крошечными зубцами для захвата с внутренней стороны. Боковые стороны открывались, обхватывали основание соска, затем закрывались, и маленькая защелка плотно закрывала их. Это настолько сплющило основание соска, что сосок начал набухать. Маркус прикрепил концы этих новых зажимов к маленькой цепочке, которую он продел через мой ошейник. Потом он отправил меня домой. В следующий раз, когда я увижу их, я буду добрее к Маркусу.